

Безнин Михаил Алексеевич
Вологодский государственный университет
Димони Татьяна Михайловна
Вологодский государственный университет
Столетова Анна Сергеевна
Вологодский государственный университет

БУРЖУАЗНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ И МЕНТАЛИТЕТЕ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА 1950–1980-Х ГГ.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ «Трансформация российского общества 1950–1990-х гг.: классовый генезис и эволюция экономического устройства», проект № 19-18-00269

В статье ставится вопрос о значимом тренде в социально-экономическом развитии послевоенного советского общества. В качестве изучения формирования буржуазных тенденций авторы отмечают классовое реструктурирование, изменение форм организации труда, формирование предпринимательских навыков, в том числе в секторах «серой» и «теневой» экономики, стремления к высокому уровню потребления. Среди механизмов формирования буржуазных тенденций значимую роль играла позиция государства, которое, с одной стороны, предпринимало шаги по стимулированию интереса к материальной обеспеченности (в том числе через поощрение передовиков производства, формирование новой потребительской культуры), с другой стороны – сдерживало процессы материальной дифференциации, согласно идеологическим представлениям о социальной справедливости. Статья подготовлена на базе материалов Российского государственного архива новейшей истории, Российского государственного архива экономики: документов, исходящих от партийных органов, обзоров правоохранительных органов, писем граждан, а также изучения итогов социологических опросов 1960–1980-х гг. (часть из них извлечена из бывшего спецхрана РГБ). Авторы приходят к выводу, что к концу советского периода в результате происходящих процессов идеологические клише о социально-однородном обществе были значительно потеснены.

Ключевые слова: Россия, советский период, буржуазные тенденции, социальная эволюция.

Информация об авторах: Безнин Михаил Алексеевич, ORCID: 0000-0001-5152-796x, доктор исторических наук, профессор, Вологодский государственный университет, г. Вологда, Россия.

E-mail: beznin@uni-vologda.ac.ru.

Димони Татьяна Михайловна, ORCID: 0000-0002-9049-1469, доктор исторических наук, профессор, Вологодский государственный университет, г. Вологда, Россия.

E-mail: dimonitm@yandex.ru.

Столетова Анна Сергеевна, ORCID: 0000-0002-2167-072X, кандидат исторических наук, доцент, Вологодский государственный университет, г. Вологда, Россия.

E-mail: Stoletowa-A-S@yandex.ru.

Дата поступления статьи: 04.12.2019.

Для цитирования: Безнин М.А., Димони Т.М., Столетова А.С. Буржуазные тенденции в социальной жизни и менталитете советского общества 1950–1980-х гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 77-86. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-77-86.

Mikhail A. Beznin
Vologda State University
Tatyana M. Dimoni
Vologda State University
Anna S. Stoletova
Vologda State University

BOURGEOIS TENDENCIES IN THE SOCIAL LIFE AND MENTALITY OF THE SOVIET SOCIETY OF THE 1950S TO 80S.

The article was prepared with the financial support of the RSF «Transformation of Russian society in the 1950s-1990s: class Genesis and evolution of the economic system», project No. 19-18-00269

The article raises the question of a significant trend in the socio-economic development of post-war Soviet society. As a study of the formation of bourgeois trends, the authors note class restructuring, a change in the organisation of labour, the formation of entrepreneurial skills, including in the sectors of the «ghost» and «shadow» economies, and the desire for a high level of consumption. Among the mechanisms of the formation of bourgeois trends, a significant role was played by the position of the state, which, on the one hand, made efforts to stimulate interest in material security (including through the promotion of advanced workers, the formation of a new consumer culture), and on the other hand, restrained the processes of material differentiation according to ideological concepts of social justice. The article was prepared on the basis of materials from the Russian State Archive of Recent History, the Russian State Archive of Economics: documents from the Communist Party bodies, reviews of law enforcement agencies, letters from citizens, as well as basing on study of the results of sociological surveys of the 1960s and the 1980s. (Some of those were recovered from the former special security service of the Russian State Library). The authors come to the conclusion that by the end of the Soviet period as a result of ongoing processes, ideological clichés about a socially homogeneous society had significantly outlived their usefulness.

Keywords: *Russia, Soviet period, bourgeois trends, social evolution.*

Information about the authors: Mikhail A. Beznin, ORCID: 0000-0001-5152-796x, Doctor of Historical Sciences, Professor, Vologda State University, Vologda, Russia.

E-mail: beznin@uni-vologda.ac.ru.

Tat'yana M. Dimoni, ORCID: 0000-0002-9049-1469, Doctor of Historical Sciences, Professor, Vologda State University, Vologda, Russia.

E-mail: dimonitm@yandex.ru

Anna S. Stoletova, ORCID: 0000-0002-2167-072X, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Vologda State University, Vologda, Russia.

E-mail: Stoletowa-A-S@yandex.ru.

Article received: December 04, 2019.

For citation: Beznin M.A., Dimoni T.M., Stoletova A.S. Bourgeois tendencies in social life and mentality of the Soviet society of the 1950s to 80s. *Vestnik of Kostroma State University*, 2020, vol. 26, № 1, pp. 77-86 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-77-86.

С самого начала советской эпохи одной из наивысших общественных опасностей новая власть считала существование буржуазных и мелкобуржуазных тенденций в социальной и экономической сферах. Поэтому данному сюжету уделяли внимание и политические деятели, и историки, исследующие советскую эпоху. Пожалуй, первым, кто определенно высказался о складывании буржуазного фона в советском социуме, был Л.Д. Троцкий [Троцкий]. По его мнению, к началу 1930-х гг. в СССР образовался слой людей, выделяющихся по своему материальному статусу. В него входили, прежде всего, представители власти, которых Л.Д. Троцкий и сравнивал с новыми буржуа. Обзор опасений буржуазного перерождения для послереволюционного двадцатилетия довольно подробно приводит Ш. Фицпатрик [Фицпатрик]. Она обратила внимание на многочисленные высказывания представителей власти об опасности буржуазного влияния как в жизненных проявлениях (например, ведении частного хозяйства), так и в семейных, личностных (слишком закрытая для других частная жизнь). Однако основное внимание исторической науки при характеристике формирования новых условий функционирования советского общества сосредоточено на 1950–1960-х гг. Действительно, в этот период произошли большие перемены. Послевоенная политика, особенно с середины 1950-х гг., прямо ставила в качестве основной социальной задачи подъем уровня жизни в СССР. По мнению Ю.В. Аксютин, социальная политика в этот период носила эгалитарную, уравнивательную ориентацию с повышением доступности материальных благ для широких слоев населения [Аксютин]. Т.А. Мищенко прямо характеризует политику «оттепели» как потребительскую [Мищенко]. На повышение уровня потребления и обеспечения бытовыми вещами обращали внимание историки, изучавшие крестьянское сообщество России [Безнин]. Нарастание интереса к индивидуальному уровню жизни в 1950–1960-е и последующие годы, приобретению повседневных и статусных вещей зафиксировано в социологических рефлексиях [Грушин]. Ярко отражена эта тенденция в мемуарной и художественной литера-

туре. Например, Г.И. Мирский в воспоминаниях «Жизнь в трех эпохах» прямо пишет о процессах обуржуазивания советского общества, явно замечавшихся современниками в 1950–1970-е гг. [Мирский].

Такие важные черты общества, как рост уровня потребления, интерес к приобретению вещей, стремление следовать моде являются важнейшими характеристиками изменений. Хотя, конечно, основные элементы социальных изменений связаны с такими фундаментальными процессами, как трансформация классовой структуры и генезис новых классовых групп, соответствующий новому состоянию общества.

Социальное расслоение в Советской России было зафиксировано уже на этапе создания Конституции 1936 г., где провозглашалось существование в СССР двух дружественных классов – рабочего класса и колхозного крестьянства – и прослойки – рабоче-крестьянской интеллигенции. Базой для разделения общества на классы в советском обществе считались экономическая однородность, базировавшаяся на особенностях форм собственности (государственная или колхозно-кооперативная) и преобладающий характер труда, сложившийся в процессе разделения труда (немеханизированный, связанный с машинами и механизмами или умственный). Авторы данной статьи предложили свой подход к представлению о социально-классовой структуре российского общества советского времени, рассмотрев складывание 5-членной его структуры (классы протобуржуазии, менеджеров, интеллектуалов, рабочей аристократии, пролетариата) [Безнин, Димони 2011; Безнин, Димони 2019a]. Изменение классовой структуры, по мнению авторов статьи, было отражением глобальных изменений в обществе, связанных с переходом от аграрного к капитализированному состоянию [Безнин, Димони 2019a]. Этот переход сопровождался сменой соотношения факторов производства, форм эксплуатации, становлением специфических механизмов товарности, монетаризацией экономических проявлений и т. д. По нашему мнению, основой разделения общества на классы являлось место в реализации права собственности, которое

в советском обществе осуществлялось с большой спецификой (функционирование разделенного права собственности) [Безнин, Димони 2019b]. Кроме того, важную роль в классовой градации общества играли: объемно-правовое положение, роли в организации труда, уровень участия в управлении, доли и способы получения распределяемой для потребления части национального продукта, черты повседневного образа жизни, социально-психологические особенности.

Закономерным продолжением изучения социальных изменений является выявление и ряда других тенденций в социальной жизни и менталитете советского общества, которые были предопределены капитализацией экономической жизни.

Рассмотрим некоторые из этих проявлений социальных тенденций, которые нам представляются значимыми с точки зрения изучения обуржуазивания советского общества. В первую очередь это относится к той части социальной жизни, которая связана с производственной деятельностью, в том числе переформатированием трудовых коллективов, реализацией прав собственности разными категориями участников производственной деятельности, классовым расслоением и межклассовой динамикой.

Уход от преобладавшей индивидуализации трудовой деятельности, характерной для крестьянского мира, становится ярко заметен в России с конца 1920-х – начала 1930-х гг. В первые годы индустриализации началось массовое создание производственных коллективов – бригад. Это движение началось с Москвы, Ленинграда, Донбасса и быстро распространилось по всей стране. Начавшись с промышленности, бригадный метод организации труда охватил и другие отрасли. В начале 1930-х гг. в важнейших отраслях промышленности СССР удельный вес рабочих, охваченных бригадами, в процентах к общей численности рабочих составлял в угледобыче – 40, в черной металлургии – 34, в химии и нефтепереработке – 18, в машиностроении – 25, в деревообработке – 53, в легкой промышленности (без текстильной) – 21, в пищевой – 37 [Шкурко 10: 26]. В колхозах России в 1937 г. имелось в среднем по 2 полеводческие бригады, которые состояли из 58 человек, и по одной животноводческой бригаде (в том числе 847 бригад по уходу за КРС, 365 свиноводческих бригад, 373 оленеводческих бригады) [Колхозы: 49, 51]. Бригады, как правило, были формой постоянной организации труда и рассматривались как трудовой и воспитательный коллектив. Значение их советская власть видела еще и в том, что бригада приучала к коллективным формам работы, а также коллективным нормам начисления и распределения заработной платы. Таким образом, бригада, по мнению власти, боролась с проявлениями мелкобуржуазного индивидуализма. К концу советской эпохи большинство рабочих промышлен-

ности работали в бригадах: в 1980 г. удельный вес численности рабочих в бригадах от общей численности рабочих в 1980 г. составлял по СССР 43 %, в 1985 г. – 74 %, в 1986 г. – 77 % [Народное хозяйство: 108]. В СССР бригадная форма организации труда была основной в большинстве отраслей. Развитие методов управления на крупных предприятиях привело в 1970–1980-х годах к укрупнению бригад, созданию комплексных и сквозных бригад, бригад конечной продукции, бригадного и коллективного подряда.

Насколько бригады способствовали формированию социально-однородных трудовых коллективов – вопрос, который историками пока не изучен. Однако социологические обследования, проводимые после 1950-х гг., позволяют говорить о довольно больших «проблемах» в классово-бригадном сознании. Так, в 1969 г. был проведен социологический опрос об участии членов коллектива в работе собраний и производственных объединений [Волков: 26–31]. Этот опрос поддерживал дух косыгинской реформы, которой давались довольно большие права коллективу предприятия в управлении производством. Обследованием были охвачены 5 предприятий Свердловской области (Уралмаш, Механический завод № 2, завод гидрометприборов, Уралэлектротяжмаш, Государственный подшипниковый завод № 6) и Челябинский инструментальный завод. Согласно этому опросу, члены бригад, которые никогда не присутствовали на собраниях бригады, составляли около 1/3 (34 %), ни разу не выступали на собрании бригад 46 % рабочих. Если же выступления были, то они касались в основном текущих вопросов деятельности. О состоянии трудовой дисциплины были 17 % выступлений, о неудовлетворительном материально-техническом снабжении – 16, о качестве оборудования и инструментов – 16, о наличии брака и плохом качестве продукции – 11 %. Участие коллектива бригады в распределении фонда производства также выглядело малозначимым. Не принимали участие в распределении фонда материального поощрения – 77 % рабочих, в распределении фонда развития производства – 82 %, в распределении фонда социально-культурного и жилищного строительства – 88 % [Волков: 59]. Таким образом, жизнь в производственной бригаде позволяла экономической элите общества формировать классово-однородную рабочую пирамиду, удаленную от серьезных рычагов управления собственностью. В этой же «бригадной» политике сдерживались тенденции выделяющегося материального статуса и культивировались идеалы своеобразной уравнительности.

Нельзя не заметить, что в отличие от аграрного общества, общество капитализированное, тяготеющее к поляризации, давало довольно большую легкость в социальных перемещениях. Социаль-

ная мобильность также является одной из важных характеристик протобуржуазного социума. В крестьянском обществе каждое последующее поколение, как правило, повторяло жизнь предыдущего, самовоспроизводя и ценности, и образ жизни. Однако уже в довоенном советском обществе «классовая» наследственность постепенно перестала играть определяющую роль в классовой градации. В послевоенный же период межклассовые перемещения становятся особенно активными (особенно из сельского хозяйства в городскую среду) и фактор социального происхождения теряет определяющее значение. Проведенный в Казани (этот город был избран как наиболее типичный) в 1967 г. выборочный опрос (опрошено 4 231 человек, что составляло около 1 % работавших) показал, что прямая детерминация социальных перемещений социальным положением отца респондента отсутствует. Наиболее же значимым фактором оказалось собственное «стартовое» образование, эта модель объясняла 52 % вариаций социального положения респондента в момент опроса и 38 % вариаций его социального положения к началу трудовой деятельности [Шкаратан, Рукавишников: 13, 16, 19]. Социологические исследования, проведенные в Ленинграде в 1965–1970 гг., показали, что в среде высококвалифицированных рабочих доля выходцев из интеллигенции выросла с 16 до 29 %, в среде квалифицированных рабочих ручного труда – с 19 до 24 % [Шкаратан, Рукавишников: 10].

Особое проявление социальной эволюции в направлении обуржуазивания – формирование делового, предпринимательского социально-психологического настроения у разных категорий населения. Культивирование этого явления государством началось еще в 1930-е гг.: стимулировалась соревновательность, выделялись передовики производства, было введено звание Герой Социалистического Труда, разработан и применялся целый спектр поощрений – от награждения орденами и медалями (орден Ленина, медали «За трудовую доблесть», «За трудовое отличие» и др.) до нагрудных значков («Победитель соцсоревнования», «Ударник коммунистического труда» и др.), почетных грамот, денежных и натуральных премий. Звание Герой Социалистического Труда с 1950 по 1988 г. получили в СССР более 15 тыс. человек [Герои: 5–200]. Примеров предпринимательской хватки довольно много в литературе советского времени. Так, вязальщица фабрики «Путь октября» А.П. Морозова вместо типовой нормы в 4 машины смогла обслуживать 8–10 кругловязальных машин, за 8-ю пятилетку она сэкономила 422 кг пряжи [Морозова Анна: 17]. Свиноарии подмосковного колхоза «Новый путь» А. Салихов и Н. Демин в послевоенный период предложили развивать свиноводство на базе высоких урожаев картофеля и достигли серьезного пополнения доходов предприятия [Салихов, Демин]. Высокую сте-

пень предприимчивости демонстрировали руководители сельскохозяйственных и промышленных предприятий. Председатель гусь-хрустальненского колхоза А. Горшков в 1950-е гг. подрядился поставлять в Москву пятилетние саженцы деревьев [Ланщиков, Салуцкий: 20], председатель балашихинского колхоза И. Снимщиков брал заказы на пошив матрасов, изготовление джемов и соков, изготовление пластмассовой тары [Овечкин: 521–522] и т. д. Серьезными навыками предпринимательства отличались руководители крупных советских строек. Например, Д.Н. Мамлеев, под руководством которого в послевоенный период в СССР было построено 28 крупных объектов, только во время руководства трестом «Череповецметаллургстрой» были введены в эксплуатацию четыре доменные печи, шесть коксовых батарей, двенадцать мартеновских печей, три аглофабрики, две углефабрики, девять прокатных станов, сталепрокатный и азотноуглеродный заводы, линия электропередачи Рыбинск-Череповец, восемь цехов фанеро-мебельного комбината и др. [Мамлеев Динихмед].

В советском обществе были и ниши открытой предпринимательской инициативы. Например, именно такой представляется деятельность «шабашников» – сезонных бригад по производству строительных работ в колхозах. Деятельность их широко развернулась с середины 1960-х гг., когда были резко увеличены капиталовложения в сельское хозяйство. Шабашники самостоятельно искали подряды, заключали договоры с руководителями колхозов. Зарботки их были чрезвычайно высокими, но и работали они почти в два раза интенсивнее, чем на государственном производстве [Дятлов: 227-232]. Схожие механизмы работы действовали в золотодобыче. Элементы легального предпринимательства граждане активно проявляли при работе на личных огородах и дачах.

В послевоенный период предпринимательские навыки все активнее формировались и в сфере частного производства, а также теневой экономики. В отношении сферы частного (кооперативного) предпринимательства государство испытывало определенные колебания: по мнению хрущевского политического руководства, например, оно должно быть свернуто по мере продвижения к коммунизму. В связи с этим существовавшие в СССР в 1955 г. в кооперативной промышленности свыше 107 тыс. предприятий и мастерских с 2,1 млн работающих в 1956–1960 гг. были упразднены¹. А они получали по разным каналам значительную прибыль. ЦСУ СССР подсчитало, что даже в 1959 г. «спекулянтами», «перекупщиками», «частниками» было получено с населения «барыша» около 330 млн руб. Особенно часто население обращалось к услугам «частника» для пошива и ремонта одежды и обуви (от примерно 40 % случаев в городах до 80 % в сельской местности)².

Эту нишу довольно быстро освоили представители нарождавшегося в СССР теневого бизнеса. Если в 1960–1961 гг. объем теневой экономики в народном хозяйстве СССР оценивался 5 млрд руб. в год, то в 1989–1990 гг. – 90 млрд руб. в год [Тенденции: 316].

Ощущая нарастающее давление «второй» экономики, государство до определенного времени пыталось бороться с ее становлением. Так, в 1961 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями» допускалось применение расстрела: за хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах [ВВС СССР 1961]. В том же году Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении уголовной ответственности за нарушения правил о валютных операциях» была установлена смертная казнь за спекуляцию валютными ценностями, совершенную в виде промысла или в крупном размере, а также неоднократно [ВВС СССР 1961а]. В 1962 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР смертная казнь была введена за квалифицированное получение взятки [ВВС СССР 1962]. По неполным подсчетам адвоката Е. Эвельсон, за 1961–1967 гг. в России было в судебном порядке расследовано 204 «дела» о взятках, 112 – о валюте, 329 – о хищениях. По данным уголовным делам было приговорено только к расстрелу 39 человек [Эвельсон: 308]. Как правило, предпринимательская (в уголовном кодексе она называлась частнопредпринимательская) деятельность в теневой экономике осуществлялась крупными группами (от 25 до 50 человек), в них входили директора предприятий, снабженцы, представители планирующих органов, партийных и советских органов, сотрудники торговых предприятий, милиции и т. д. Таким, например, было «дело трикотажников», «разоблачившее» в 1962–1963 гг. крупно-предпринимательскую деятельность по производству нижнего белья [ВВС СССР 1962: 69–104].

Наряду с организацией теневых производств дефицитной продукции в промышленности, большие ресурсы для извлечения индивидуальных прибылей давали торговые предприятия. Несмотря на жесткое законодательство, такая деятельность не только не сбавляла обороты, но наращивалась. Так, универсам «Москва» с конца 1950-х гг. организовал «овощной» бизнес по продаже фруктов и овощей помимо централизованных поставок. Продавались овощи и фрукты с черного хода по ценам выше государственных, а прибыль делилась участниками бизнеса. Кроме того, при универсаме «Москва» был организован трикотажный цех, который за 4–5 лет своего существования выпустил неучтенной продукции и продал через торговые сети Москвы изделий на 2,5 млн рублей [ВВС СССР 1962: 110]. Органами внутренних дел в ходе

контроля систематически вскрывались злоупотребления в торговле, иногда в сверхкрупных объемах. В частности, по сообщению министра внутренних дел СССР Н. Щелокова в ЦК КПСС от 6 декабря 1973 г., в трех магазинах объединения «Союзрыбпромбыт» Министерства рыбного хозяйства СССР при проверке было обнаружено укрытых от переоценки 1,5 тыс. банок икры лососевых и осетровых рыб, более 3,5 тыс. банок сайры и лосося. Только у директора Кемеровского производственно-торгового объединения «Союзрыбпромбыт» при обыске в квартире было обнаружено около 400 банок икры лососевых и осетровых рыб, 400 банок сайры и рагу лосося, было изъято 33 тыс. рублей³.

Население довольно пристально следило за возможностью извлечения выгоды из незаконных торговых операций, о неодобрительном восприятии данного бизнеса сохранилось огромное количество писем в газеты, властные и правоохранительные структуры. Вот несколько типичных выдержек из писем в газету «Советская торговля». Оргинструктор рабкоопы Н. Бурова из Пермской области в 1969 г. писала о председателе райпотребсоюза: «Он проявил себя как человек, ищущий только своей личной выгоды и наживы. Дефицитные товары: ковры, холодильники – получает сам и сбывает неизвестно где... Кур, яйца, мясо, все самое лучшее председатель отправляет в город, картофель по закупочным ценам отпускает неизвестным горожанам прямо с машиной»⁴. Тогда же работница фабрики из деревни Глушково Курской области Л. Салькова сообщала в газету: «Дефицитные товары у нас в магазины не попадают, а продаются прямо с базы. Шелк, ворсалан, махер, туфли, сапожки, плащи, мужские костюмы, кофты, тюль, мужские шапки – все продается по блату. Все забирал начальство, райком партии, райисполком. Работники РПС на базаре продают если не сами, так через старух. А люди стоят у магазинов в очереди. Выкинут метра 3, а остальное по запискам»⁵.

В конце концов давление теневого бизнеса на государство привело к легализации частного бизнеса. С принятием закона «О кооперации» (1986 г.) и закона «Об индивидуальной трудовой деятельности» (1988 г.) началось узаконенное развитие частной предпринимательской деятельности. Число граждан, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью, быстро росло: в 1988 г. их было зарегистрировано в СССР 429 тыс., а в 1989 г. – 723 тыс. человек [Остапкович: 156].

Одним из значимых аспектов формирования буржуазных тенденций было расслоение общества. В период 1950–1980-х гг. в размежевании по шкале доходов действовали довольно разнонаправленные тенденции. С одной стороны, с середины 1950-х гг. наблюдалась линия на формирование средней прослойки населения. Жители страны активно поддерживали это движение, протестуя про-

тив выделения «сверхбогатой» верхушки общества и «бедных» низов. Это видно, в частности, по материалам писем во властные органы, прессу. Например, в письмах в газету «Правда» периода 1954–1955 гг. массово выражалась обеспокоенность граждан классовым расслоением, которое видно по «разнице в заработной плате между рабочими и руководящими работниками». По мнению автора одного из писем, Г.Н. Нежданова, разница в оплате труда в стране «выражается соотношением 1:72, 1:48». Среди представителей наиболее обеспеченных групп он называет «административно-управленческие кадры, профессуру, писателей, крупных актеров, конструкторов, военных высших званий». Среди наименее обеспеченных названы профессиональные группы работников простого физического труда: «уборщицы – “технички”, няни в детских яслях и садиках, трамвайные кондукторы, перронные контролеры, прачки, сторожа». Среди признаков высокого материального статуса в письмах фигурируют «квартиры по 100–200 кв. м», возможность поездки в «дома отдыха, санатории и курорты», особенности гардероба, ношение «дорогих меховых дох, каракулевых и котиковых саков, <...> шелка, атласа, панбархата, коверкота, бостона», «кутежи в ресторанах», приобретение «автомобилей, мотоциклов, радиол». Немаловажной чертой выделяющегося материального статуса в письмах называется наличие в семье домработницы, которая нанимается «мыть полы, стирать белье, пилить дрова», тогда как «жены ответственных работников нигде не работают и в то же время сами не ведут свое хозяйство». Основное требование авторов писем – возврат к социальной справедливости в «ленинской» ее трактовке. Как написал москвич Сосновский, «народ хочет, чтобы новые “миллионщики” были превращены в советских людей, чтобы не было перерождения». Ряд авторов требовали возврата к партмаксимуму, сокращению разрыва в уровне зарплат между «верхами» и «низами», уменьшения размера персональных пенсий и т.д.⁶ Таким образом, мероприятия «хрущевского» периода по сдерживанию обуржуазивания в советском обществе встречали довольно горячий отклик у населения, живущего в идеологической нише «социалистического устройства общества».

В целом советское общество с 1960-х гг. демонстрировало довольно низкую степень расслоения по уровню доходов. Яркой чертой материального статуса являлся постепенный уход бедности. По материалам бюджетных обследований видно, что с 1953 по 1960 г. доля семей рабочих промышленности СССР с наиболее низкими среднедушевыми доходами (до 400 руб. на человека в год) сократилась с 27 % до 8 %, со средними доходами (420–600 руб. на человека в год) уменьшилась с 37 % до 29 %, а группа с высокими доходами (600 руб. и выше на человека в год) увеличилась

с 36 % до 63 %. У семей колхозников присутствовала та же тенденция, хотя она была гораздо менее выражена. Группа малообеспеченных семей с 1953 по 1960 г. сократилась с 80 % до 47 %, доля семей со средним обеспечением увеличилась с 14 % до 29 %, доля семей с высокими уровнями доходов – возросла с 6 % до 24 %⁷. В советском обществе с 1960-х гг. фиксировался стабильный децильный коэффициент дифференциации доходов. В 1965 г. он равнялся 3,9, в 1975 г. – 3,0, в 1980 г. – 4,1, в 1989 г. – 4,2 [Тенденции: 312]. Любопытный выход за эти рамки тяжело воспринимался обществом – об этом свидетельствует многочисленная корреспонденция граждан последней трети советского времени в СМИ. Так, в письме анонимного автора в ЦК КПСС за 1963 г. читаем: «Среднее чиновничество живет надеждами на выдвижение и отдельными разовыми доплатами, иногда взятки берут, мошенничают для своих выгод, а мелкое чиновничество занято поисками дополнительных статей доходов в виде приработка, индивидуального нелегального сада, огорода, ремесла. У нас проявляется буржуазное неравенство и это создает противоречие. Высокооплачиваемое чиновничество всеми силами будет держаться за свое положение, за свою долю благ»⁸. В том же году другой анонимный автор, обращаясь к Н.С. Хрущеву, рассуждал: «Посмотрите, мы идем к коммунизму, а смотришь – чуть ли не каждый имеющий личную автомашину («Волгу» или «Зил», в худшем случае «Москвич») – это руководитель-коммунист, а особняки какие выстроили – по 5–6 комнат до 100 кв. м жилой площади и на семью в 3–4 человека. Торговые организации – это сплошное воровство, мошенничество, обман. Как же можно проводить линию партии, проповедовать идеи коммунизма, когда тот, кто говорит, – имеет особняк, машину, живет в свое удовольствие. И вот такой «горе-руководитель – делец», выступая на собраниях, говорит, что нужно бороться с пережитками капитализма в сознании людей. А как же понимать его действия, его жизнь? Мне кажется, надо начинать, прежде всего, с “голов”. Только личным примером можно показать силу идей коммунизма. Частнособственническая тенденция коммуниста – это шаг назад»⁹. В обществе присутствовало недовольство и рядовыми гражданами, выделяющимися по «жизненным благам». В начале 1980-х гг. в «Литературную газету», например, поступило письмо читательницы, которая вместе с мужем и шестилетним ребенком жили в однокомнатной кооперативной квартире площадью 16,3 кв. м. «Мне очень больно и обидно, – писала она, – что в нашем городе очень много людей (в основном пожилых), которые владеют излишней жилплощадью. Я предлагаю просто забирать у них эти квартиры и давать другие, соответственно количеству квадратных метров на человека»¹⁰.

Таблица 1

Среднегодовые темпы роста потребления на душу населения СССР (в %)¹¹

	1951–1975 гг.	1951–1955 гг.	1956–1960 гг.	1961–1965 гг.	1966–1970 гг.	1971–1975 гг.
Общий уровень потребления	4,0	5,3	4,2	2,5	4,7	3,2
Личное потребление	4,1	5,4	4,4	2,4	4,9	3,2
В т. ч. товары	4,0	5,6	4,5	2,1	4,8	3,0
Из них: Продовольствие	3,0	4,7	2,6	2,0	3,5	2,1
«Мягкие» товары (одежда, ткани, обувь)	5,3	7,4	8,3	1,8	6,6	2,7
Товары длительного пользования	10,4	17,4	11,4	4,4	9,7	9,7
Услуги	4,5	4,0	4,0	4,9	5,4	4,3
Общественное потребление	3,4	4,4	2,8	3,6	3,1	2,9
В т. ч. Образование	3,2	2,9	1,6	5,1	3,2	3,4
Здравоохранение	3,6	6,9	4,6	1,3	3,0	2,2

Другой тенденцией, наравне с желанием равного и среднего для всех достатка, сдерживанием формирования высокого материального статуса, в обществе формировался явный интерес к высокому уровню жизни. Он включал в себя необходимость полноценного питания, интересного отдыха (туризма, отдыха в специальных учреждениях – домах отдыха, санаториях и др.). О том, что уровень жизни рос, свидетельствовали многочисленные статистические показатели. Приведем некоторые данные, кажущиеся наиболее беспристрастными, так как были подготовлены американскими экономистами 1970-х гг.

Как видно из таблицы 1, среднегодовые темпы роста общего уровня потребления в СССР были довольно высокими: в 1951–1975 гг. – 4 %. При этом наиболее быстро шел прирост личного потребления, а особенно товаров длительного пользования (более 10 % среднегодовые темпы прироста за период) и «мягких» товаров (более 5 % среднегодовые темпы прироста в 1951–1975 гг.). Самые стремительные темпы прироста уровня потребления падали на промежутки 1951–1955 гг. (период характеризовался смягчением жесткой налоговой политики, свертыванием системы повинностей [Безнин, Димони, Изюмова: 7–32]) и 1966–1970 гг. (период активного проведения косыгинской реформы с увеличением упора на материальное стимулирование и рост производства товаров группы Б).

Социологические опросы фиксировали стремление населения СССР к обеспечению бытовыми вещами, не связанными с первоочередными жизненными потребностями. По данным социологического обследования, проведенного на нескольких предприятиях (московский станкостроительный завод «Красный пролетарий», три сельхозпредприятия Ставропольского края), в 1983–1984 гг. наблюдался «активный рост положительного отношения к материальному достатку, созданному вещами комфорта, хорошо обеспеченному быту»: 67 % опрошенных были склонны рассматривать

вещи, достаток фактором «исключительно положительного значения». Только четверть опрошенных в ходе обследования придерживались мнения, что вещи, хотя и нужны, но полный достаток в них «снижает активность личности, рождает самодовольство и отчуждение от людей» [Жилина: 13]. Более 70 % опрошенных готовы были переплачивать продавцу или перекупщику за вещи [Жилина: 16]. В другом социологическом опросе 1984 г. (в нем приняли участие более 9 тыс. респондентов) самое большое количество ответов на вопрос о жизненных устремлениях набрал вариант «быть материально обеспеченным». Так ответили 38 % от всех опрошенных [Советский образ: 52].

Таким образом, буржуазные тенденции в советском обществе формировались по мере его экономической эволюции и устойчивого выхода капитала на первый план среди других факторов производства. Кроме общих для капитализованных обществ тенденций к сложной поликлассовой структуре, формирования новой организации труда, ранее неизвестные тенденции пробивали себе дорогу в представлениях общества. Это давалось непросто, так как вступало в противоречие с господствующим представлением о социализме как об обществе с отсутствием богатых и бедных. Однако выявлялись группы людей с предпринимательской жилкой, причем отнюдь не только в теневом или «сером» секторах экономики. Все больший интерес приобретали вещи как предмет, обеспечивающий жизненный комфорт и статус. В конце советского времени эти тенденции стали преобладающими и в целом потеснили идеологические клише о социально однородном обществе.

Примечания

¹ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 60. Д. 226. Л. 62.

² Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 41. Д. 381. Л. 12 об.

³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 66. Д. 411. Л. 195.

⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 266. Л. 178–179.

⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 68. Д. 1030. Л. 61.

⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 59. Л. 111–124.

⁷ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 381. Л. 9 об.

⁸ РГАНИ. Ф. 100. Оп. 5. Д. 1. Л. 22, 22 об.

⁹ РГАНИ. Ф. 100. Оп. 5. Д. 1. Л. 41–41 об.

¹⁰ РГАНИ. Ф. 100. Оп. 5. Д. 918. Л. 53–54.

¹¹ Составлено по: Советская экономика в новой перспективе: Материалы по докладу экспертов объединенной экономической комиссии Конгресса США (октябрь, 1976). М., 1977. Табл. 11.

Список литературы

Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. 2-е изд. Москва: РОССПЭН, 2010. 624 с.

Безнин М.А., Димони Т.М. Советская протобуржуазия: генезис высшего класса российского общества // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 2. С. 437–453. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2019.209

Безнин М.А. Хозяйство крестьянского двора в Российском Нечерноземье, 1950–1965 гг. Вологда: Институт истории СССР АН СССР, ВГПИ, 1989. 89 с.

Безнин М.А., Димони Т.М. Аграрный строй России 1930–1980-х годов. Москва, 2019а. 608 с.

Безнин М.А., Димони Т.М. Институциональные особенности российского госкапитализма от Сталина до Брежнева // Вопросы теоретической экономики. 2019b. № 2. С. 118–135. DOI: 10.24411/2587-7666-2019-10209

Безнин М.А., Димони Т.М. Социальные классы в российской колхозно-совхозной деревне 1930–1980-х годов // Социс. 2011. № 11. С. 90–102.

Безнин М.А., Димони Т.М., Изюмова Л.В. Повинности российского крестьянства в 1930–1960-х годах / Вологод. науч.-координац. центр ЦЭМИ РАН, Вологод. гос. пед. ун-т. Вологда, 2001. 138 с.

Ведомости Верховного Совета СССР (ВВС СССР). 1961. № 19. Ст. 207.

ВВС СССР. 1961а. № 27. Ст. 291.

ВВС СССР. 1962. № 8.

Волков Ю.Е. Экономическая реформа и участие рабочих в управлении производством. Москва [б. и.], 1969. 62 с.

Герои Социалистического Труда / авт.-сост.: Б.Н. Голосной, И.В. Гранкин, Р.Б. Эльдаров. М.: Известия советов народных депутатов, 1988. 215 с.

Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения: в 2 кн. Кн. 2, ч. 1. Эпоха Брежнева. Москва: Прогресс-Традиция, 2003. 442 с.

Гулин К.А., Димони Т.М., Карпов С.Г. Бюджет и имущество крестьян Европейского Севера России второй половины XX века. Вологда: Русь, 2003. 201 с.

Дятлов В.И. Трудовые миграции и процесс формирования диаспор в современной России // Трудовая миграция в СНГ: социальные и экономические эффекты. Москва, 2003. С. 227–232.

Жилина Л.Н. Некоторые проблемы формирования разумных потребностей личности (отчет о социологическом исследовании). Москва, 1985. 60 с.

Колхозы во второй сталинской пятилетке. Москва: Госпланиздат, 1937. 145 с.

Ланициков А.П., Салуцкий А.С. Крестьянский вопрос вчера и сегодня. Москва: Современник, 1990. 396 с.

Мамлеев Диниахмед Набиулович // Коммунист. 1967. 5 декабря. С. 2.

Мирский Г.И. Жизнь в трех эпохах. Москва: Летний сад, 2001. 366 с.

Мищенко Т.А. Советское потребительство в эпоху оттепели: гендерный аспект // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 2–2. С. 63–69.

Морозова Анна Петровна // Герои социалистического труда. Передовики производства Министерства легкой промышленности СССР. Москва, 1972. С. 17.

Народное хозяйство СССР за 70 лет: юбилейный статистический ежегодник / Гос. ком. СССР по статистике. Москва: Финансы и статистика, 1987. 765 с.

Овечкин В.В. Гости в Стукачах: Рассказы и очерки; Районные будни. Москва: Сов. Россия, 1978. 638 с.

Остаткович Г. О социально-экономическом развитии СССР на рубеже 1980–1990-х гг. // Вопросы экономики. 1998. № 7. С. 153–159.

Салихов А., Демин Н. За высокую товарность свинофермы. Москва: Московский рабочий, 1949. 60 с.

Советский образ жизни. Состояние, мнение и оценки советских людей: [сб. ст.] / АН СССР, Ин-т социол. исслед., Сов. социол. ассоц.; [отв. ред. И.Т. Левыкин, А.А. Возьмитель]. Москва: ИСИ, 1984. 163 с.

Тенденции социокультурного развития России, 1960–1990-е гг.: [сборник] / Рос. ин-т культурологии; отв. ред. И.А. Бутенко, К.Э. Разлогов. Москва: ПАИМС, 1996. 507 с.

Троцкий Л.Д. Преданная революция. Москва: НИИ культуры, 1991. 254 с.

Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века; [пер. с англ. Л.Ю. Пантиной]; Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации [и др.]. Москва: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина»: РОССПЭН, 2011. 373 с.

Шкаратан О.И., Рукавишников В.О. Влияние научно-технической революции на процессы социальной дифференциации и интеграции в советском городе. [Б. м.], [б. и.], 1974. 21 с.

Шкурко С. Новые формы бригадной организации и стимулирования труда // Вопросы экономики. 1980. № 10. С. 26–36.

Эвельсон Е. Судебные процессы по экономическим делам в СССР (шестидесятые годы). – Лон-

дон: Overseas Publication Interchange Ltd, 1986. 371 с.

References

Aksiutin Iu.V. *Khrushchevskaya «otpepel'» i obshchestvennye nastroyeniia v SSSR v 1953–1964 gg.* [Khrushchev's "thaw" and public sentiment in the USSR]. 2-e izd. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, 624 p. (In Russ.)

Beznin M.A., Dimoni T.M. *Sovetskaia protoburzhuaizii: genezis vysshego klassa rossiiskogo obshchestva* [Soviet proto-bourgeoisie: the genesis of the upper class of Russian society]. *Noveishaia istoriia Rossii*, 2019, vol. 9, № 2, pp. 437–453. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2019.209 (In Russ.)

Beznin M.A. *Khoziaistvo krest'ianskogo dvora v Rossiiskom Nechernozem'e, 1950–1965 gg.* [The economy of the peasant's yard in the Russian Non-Black Earth Region, 1950–1965s]. Vologda, Institut istorii SSSR AN SSSR, VGPI Publ., 1989, 89 p. (In Russ.)

Beznin M.A., Dimoni T.M. *Agrarnyi stroi Rossii 1930–1980-kh godov* [The agrarian system of Russia in the 1930–1980s]. Moscow, 2019a, 608 p. (In Russ.)

Beznin M.A., Dimoni T.M. *Institutsional'nye osobennosti rossiiskogo goskapitalizma ot Stalina do Brezhneva* [Institutional features of Russian state capitalism from Stalin to Brezhnev]. *Voprosy teoreticheskoi ekonomiki*, 2019b, № 2, pp. 118–135. DOI: 10.24411/2587-7666-2019-10209 (In Russ.)

Beznin M.A., Dimoni T.M. *Sotsial'nye klassy v rossiiskoi kolkhozno-sovkhoznoi derevne 1930–1980-kh godov. Sotsis* [Social classes in the Russian collective-farm state farm of the 1930–1980s], 2011, № 11, pp. 90–102. (In Russ.)

Beznin M.A., Dimoni T.M., L.V. Iziumova *Povinnosti rossiiskogo krest'ianstva v 1930–1960-kh godakh* [Obligations of the Russian peasantry in the 1930–1960s]. Vologod. nauch.-koordinats. tsentr TsEMI RAN. Vologda, Vologod. gos. ped. un-t Publ., 2001, 138 p. (In Russ.)

Volkov Iu.E. *Ekonomicheskaya reforma i uchastie rabochikh v upravlenii proizvodstvom* [Economic reform and worker participation in production management]. Moscow, 1969, 62 p. (In Russ.)

Geroi Sotsialisticheskogo Truda [Heroes of Socialist Labor]. Avt.-sost.: B.N. Golosnoi, I.V. Grankin, R.B. El'darov. Moscow, Izvestiia soveto narodnykh deputatov Publ., 1988, 215 p. (In Russ.)

Grushin B.A. *Chetyre zhizni Rossii v zerkale oprosov obshchestvennogo mneniia: v 2 kn. Kn. 2, ch. 1. Epokha Brezhneva* [Four lives of Russia in the mirror of opinion polls. In 2 books. Book 2, part 1. The era of Brezhnev]. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., 2003, 442 p. (In Russ.)

Gulin K.A., Dimoni T.M., Karpov S.G. *Biudzhet i imushchestvo krest'ian Evropeiskogo Severa Rossii vtoroi poloviny XX veka* [Budget and property of

peasants in the European North of Russia in the second half of the 20th century]. Vologda, Rus' Publ., 2003, 201 p. (In Russ.)

Diatlov V.I. *Trudovye migratsii i protsess formirovaniia diaspor v sovremennoi Rossii* [Labor migrations and the process of formation of diasporas in modern Russia]. *Trudovaia migratsiia v SNG: sotsial'nye i ekonomicheskie efekty* [Labor migration in the CIS: social and economic effects]. Moscow, 2003, pp. 227–232. (In Russ.)

Zhilina L.N. *Nekotorye problemy formirovaniia razumnykh potrebnostei lichnosti (otchet o sotsiologicheskoi issledovanii)* [Some problems of the formation of the rational needs of the individual (report on a sociological study)]. Moscow, 1985, p. 13. (In Russ.)

Kolkhozy vo vtoroi stalinskoi piatiletke [Collective farms in the second Stalin five-year plan]. Moscow, Gosplanizdat Publ., 1937, 145 p. (In Russ.)

Lanshchikov A.P., Salutskii A.S. *Krest'ianskii vopros vchera i segodnia* [Peasant question yesterday and today]. Moscow, Sovremennik Publ., 1990, 396 p. (In Russ.)

Mamleev Diniakhmed Nabiulevich. *Kommunist* [Communist]. 1967, 5 dec., p. 2. (In Russ.)

Mirskii G.I. *Zhizn' v trekh epokhakh* [Life in three eras]. Moscow, Letnii sad Publ., 2001, 366 p. (In Russ.)

Mishchenko T.A. *Sovetskoe potrebitel'stvo v epokhu otpepeli: gendernyi aspekt. Vestnik Brianskogo gosudarstvennogo universiteta* [Soviet Consumerism in the Thaw: A Gender Aspect], 2012, № 2–2, pp. 63–69. (In Russ.)

Morozova Anna Petrovna. *Geroi sotsialisticheskogo truda. Peredoviki proizvodstva Ministerstva legkoi promyshlennosti SSSR* [Heroes of socialist labor. Advanced workers of the Ministry of Light Industry of the USSR]. Moscow, 1972, p. 17. (In Russ.)

Narodnoe khoziaistvo SSSR za 70 let: iubileinyi statisticheskii ezhegodnik, Gos. kom. SSSR po statistike [The national economy of the USSR for 70 years: the anniversary statistical yearbook, State. com USSR statistics]. Moscow, Finansy i statistika Publ., 1987, 765 p. (In Russ.)

Ovechkin V.V. *Gosti v Stukachakh: Rasskazy i ocherki; Raionnye budni.* [Guests in the Snitches: Stories and Essays; District weekdays]. Moscow, Sov. Rossiia Publ., 1978, 638 p. (In Russ.)

Ostapkovich G. *O sotsial'no-ekonomicheskom razvitiu SSSR na rubezhe 1980–1990-kh gg.* [On the socio-economic development of the USSR at the turn of the 1980–1990s.]. *Voprosy ekonomiki* [Question of economy]. 1998, № 7, pp. 153–159. (In Russ.)

Salikhov A., Demin N. *Za vysokuiu tovarnost' svinofermy* [For the high marketability of the pig farm]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1949, 60 p. (In Russ.)

Sovetskii obraz zhizni. Sostoianie, mnenie i otsenki sovetskikh liudei: sb. st. [Soviet way of life. State, opinion and ratings of Soviet people]. AN SSSR,

In-t sotsiol. issled., Sov. sotsiol. assots; otv. red. I.T. Levykin, A.A. Voz'mitel'. Moscow, ISI Publ., 1984, 163 p. (In Russ.)

Tendentsii sotsiokul'turnogo razvitiia Rossii, 1960–1990-e gg.: sbornik [Trends in the socio-cultural development of Russia, 1960–1990s]. Ros. in-t kul'turologii; otv. red. I.A. Butenko, K.E. Razlogov. Moscow, PAIMS Publ., 1996, 507 p. (In Russ.)

Trotskii L.D. *Predannaia revoliutsiia* [Dedicated revolution]. Moscow, NII kul'tury Publ., 1991, 254 p. (In Russ.)

Fitspatrik Sh. *Sryvaite maski! Identichnost' i samozvanstvo v Rossii XX veka* [Tear off the masks! Identity and imposture in Russia of the XX century]. Per. s angl. L.Iu. Pantinoi; Upolnomochennyi po pravam cheloveka v Rossiiskoi Federatsii [i dr.]. Moscow, Fond «Prezidentskii tsentr B. N. El'tsina»: ROSSPEN Publ., 2011, 373 p. (In Russ.)

Shkaratan O.I., Rukavishnikov V. O. *Vliianie nauchno-tekhnikheskoi revoliutsii na protsessy sotsial'noi differentsiatsii i integratsii v sovetskom gorode* [The influence of the scientific and technological revolution on the processes of social differentiation and integration in the Soviet city]. [B. m.], 1974, 21 p. (In Russ.)

Shkurko S. *Novye formy brigadnoi organizatsii i stimulirovaniia truda* [New forms of brigade organization and labor stimulation]. *Voprosy ekonomiki* [Question of economy], 1980, № 10, pp. 26–36. (In Russ.)

Evel'son E. *Sudebnye protsessy po ekonomicheskim delam v SSSR (shestidesiatye gody)* [Litigation on economic cases in the USSR (sixties)]. London, Overseas Publication Interchange Ltd Publ., 1986, 371 p. (In Russ.)